

Когда аукцион закончился, Линь Лян и Цинь Цзямин вышли из отдельной комнаты и увидели Вэнь Юцина и Лян Яня, ожидающих снаружи у двери.

Лян Янь был потрясен, когда увидел Цинь Цзямина: "Цзямин? Это ты купили две картины? Откуда у тебя столько денег? Когда я вернусь и расскажу твоему отцу, посмотри, не надерет ли он тебе задницу."

Семья Лян и семья Цинь-родственники. Цинь Цзямин приходится Лян Яню двоюродным братом, но семья Лян-это семья первой жены главы Цинь и она давно умерла, и теперь та, кто отвечает за семью Цинь - это мать Цинь Цзямина, поэтому слова кого-то из семьи Лян для него не имеют значения: "У меня есть деньги, и я трачу их так, как захочу, это не твое дело."

Вэнь Юцин быстро объяснил: "Мы просто хотели прийти и обсудить с вами, ребята, можете ли вы продать нам картину Мо Фаньчжи по той же цене. Мне она очень нравится, и я надеюсь, что мы сможем договориться".

"Ну и что, что она тебе нравится! "Цинь Цзямин нетерпеливо посмотрел на Вэнь Юцина." Ты хочешь, чтобы я тебе это продал? Считаешь, что весь мир тебе должен?!"

Увидев озадаченное выражение лица Вэнь Юцина, Линь Лян не мог не поаплодировать Цинь Цзямину в своем сердце, комментарий этого парня о главном мужском персонаже был просто слишком блестящим.

"Цинь Цзямин, что ты сказал? Немедленно извинись перед моим другом!" Лян Янь рассердился на подобную несправедливость к Вэнь Юцину.

Вэнь Юцин поспешно взяла его за руку: "Забудь об этом, брат Лян, давай не будем ссориться с детьми."

Услышав это, Цинь Цзямин бросил в ответ: "Что ты только что сказал? С детьми? Эти дети съели твою еду или украли твой рис? Держи рот на замке, если не знаешь, как говорить".

У Цинь Цзямина словно было два лица. Одно - для Линь Ляна, а другое он демонстрировал сейчас тем, кто стоял перед ним, отчего они потеряли дар речи. Вэнь Юцину оставалось только оттащить Лян Яня в сторону.

Линь Лян, когда они уходили, показал Цинь Цзямину большой палец вверх.

Покинув аукцион, Линь Лян отправился ужинать с Цинь Цзямином, затем тот отвез его домой. Когда он вышел из машины, Линь Лян посмотрел на Цинь Цзямина, который неохотно

прижался к рулю и поставил ногу на педаль газа, и сказал: "Если твой отец спросит тебя об аукционе, просто скажи ему, что я купил обе картины, понял?"

"Мм". Цинь Цзямин был несчастен, его водянистые глаза, моргая, смотрели на Линь Ляна.

Линь Лян смягчился от его взгляда и добавил: "Я попрошу своего брата подумать о том, сможет ли он устроить тебя в мой университет."

Цинь Цзямин неохотно выдавил улыбку: "Иди! Не забудь позвонить мне, когда освободишься."

Линь Лян вернулся в комнату, запер дверь и перенес все вещи, купленные на аукционе на кровать. Затем отправился в ванную принять душ.

После душа он высушил волосы, размышляя о том, как максимизировать ценность этих двух картин.

Он никогда не был бизнесменом, но для того, чтобы избавиться от судьбы первоначального владельца, ему придется сделать все возможное, чтобы заработать деньги. В романе семья Линь в итоге обанкротилась с долгом в 670 миллиардов. Он не мог позволить Линь И прыгнуть с крыши здания!

Кроме того, под крышей гнезда находятся готовые яйца.*

(*Поговорка, означающая, что для достижения цели уже есть все необходимое).

После того, как Линь Лян закончил сушить волосы, он взял картину с кровати, открыл шкаф и положил ее в дальний темный угол.

Линь Лян открыл дверь и вышел, первоначально желая спуститься вниз, чтобы найти дворецкого Лю Фана для разговора, но как только он открыл дверь, увидел Линь Литин и Чжан Шусюэ, мать и дочь, которые кралась к его комнате.

"Что вы делаете у моей двери?" - сердито спросил он.

Хотя Линь Литин была поймана, она совсем не чувствовала себя неловко. "Мой друг сказал, что видел тебя сегодня в аукционном доме. Ты действительно был там? Говорю тебе, каждый пенни, который ты тратишь, принадлежит нашей семье. Как только мой второй брат умер, ты захотел стать наследником семьи. Позвольте мне сказать тебе, даже не думай об этом!!!"

Линь Лян мысленно закатил глаза. Он действительно не понимал, как устроен мозг Линь

Литин, родившейся в богатой семье, чтобы стать такой, просто чудо!

"Мой отец умер и твое мнение меня не заботит. Вода не может повернуться вспять и на этот раз тебе со своей дочерью придется вернуться в дом своей матери. Мой отец не оставил тебе ни пенни в своем завещании. Ты боишься, что над тобой будут смеяться в доме Чжан, когда ты вернешься к ним, и именно поэтому остаешься здесь." Линь Лян свирепо посмотрел на нее и сказал: "Просто знай, семья Линь больше не та, что прежде, и мы не держим праздных людей. Если ты не уйдешь, я попрошу экономку Лю заставить тебя оплатить расходы на проживание."

Линь Литин чуть не умерла от гнева и указала на Линь Ляна: "Ты, ты, ты... я выросла в этом доме. Когда я вышла замуж, мой второй брат сказал, что семья Линь всегда будет моим домом, теперь, когда мой второй брат умер, ты, нефилимский сын хочешь прогнать меня?"

Сказав это, она осела на пол и начала похлопывать себя по бедрам, крича: "Второй брат! Мой добрый брат! Почему ты ушел так рано и оставил такое бедствие в нашей семье Линь? Рано или поздно с семьей Линь будет покончено! ....."

Линь Лян даже не потрудился взглянуть на нее, сразу закрыл дверь комнаты на ключ и ушел.

Линь Литин остановилась, как только Линь Лян ушел. В ее глазах не было ни слезинки! Она просто кричала, и ни единой капли с ее глаз не пролилось. Чжан Шусюэ помогла своей матери подняться и спросила с грустным лицом: "Что, если Линь Лян действительно возьмет с нас плату за проживание?"

У Линь Литин было презрительное выражение на лице: "Это просто слова! Семья Линь является одной из богатейших семей, если они возьмут с нас расходы на проживание и другие богатые семьи услышат об этом, они станут посмешищем на несколько лет!"

"Тогда...разве мы не можем вот так остаться в доме Линь? Раньше я думала, что Линь Лян был хорош только в разговорах, и достаточно лишь второй тете немного поговорить с ним, чтобы успокоить, но я не думала, что в тот момент, когда второй дядя и вторая тетя умрут, он станет совершенно другим человеком."

Линь Литин посмотрела в спину Линь Ляна и вздохнула: "Да! Я тоже думала, что он был мягкой хурмой, но он оказался железной шишкой. Если так будет продолжаться и дальше, мне придется в конечном итоге оставить такой большой семейный бизнес и на самом деле не получить от него никакой выгоды, просто так?! Я не хочу этого делать!"

Линь Лян нашел Лю Фана, главного дворецкого семьи Линь, в саду. Он поливал цветы из разбрызгивателя. Лю Фану было за семьдесят, но выглядел он на шестьдесят с небольшим, только волосы у него уже полностью поседели.

"Дядя Лю, ты действительно нечто, тебе стоит отдохнуть какое-то время."

Лю Фан обернулся и улыбнулся Линь Ляну: "Прошло уже несколько десятилетий! Проблема серьезная и в ближайшее время это не изменить."

Линь Лян слабо улыбнулся: "Ты всю жизнь служил нашей семье Линь, и пришло время нам с братом почтить тебя."

Лю Фан широко улыбнулся: "Когда рот молодого мастера стал таким сладким? Не думай, что я стар! С работой я управляюсь не хуже молодого человека. И я уже считал себя частью семьи Линь, если вы действительно попросите меня однажды ничего не делать просто потому что я стар, то, думаю, я буду страдать снова и снова, даже больше, чем когда я болен."

У Линь Ляна было тяжело на сердце, и он не хотел быть таким злодеем, но будущий путь семьи Линь уже был достаточно трудным, и никакие слабости семьи не могли попасть в руки других. Даже если Лю Чжао отправят в Африку, нет гарантии, что с этого момента он изменит свои привычки и бросит азартные игры.

Лю Фан вполне может что-то сделать, предав семью Линь, ради своего никчемного сына Лю Чжао. Семья Линь не может так рисковать, и поэтому Лю Фан может только уйти.

"Дядя Лю, я обсудил это со своим братом, и хочу отдать тебе виллу на окраине города по выходу на пенсию. Я знаю, что ты любишь растения и мелких животных. Рядом есть цветочный и птичий рынок, ты можешь пойти туда погулять, если тебе нечем будет заняться."

Лю Фан понял смысл слов Линь Ляна. Он замер, глядя на него, и постепенно его глаза увлажнились и наполнились слезами.

Линь Лян посмотрел на следы слез на лице старика, и на сердце у него стало тяжелее, чем когда-либо. Он чувствовал, что другие были правы, насмехаясь над ним за то, что он был ребенком, по крайней мере, сейчас. Он действительно все еще не был блестящим бизнесменом.

<http://bllate.org/book/15730/1407778>